

Солёный арбуз

Из собрания сочинений

Соленый арбуз
Альтист Данилов
Аптекарь
Шеврикука, или Любовь к привидению
Камергерский переулок
Солёный арбуз
После дождичка в четверг
Происшествие в Никольском
Бубновый валет
Лягушки
Земля имеет форму чемодана

Владимир Орлов
Из собрания сочинений

СОЛЁНЫЙ АРБУЗ

ФТМ

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-66

Орлов, В.

О-66 Солёный арбуз / В. Орлов. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 326 с.

ISBN 978-5-521-74655-2

Роман «Солёный арбуз» — первое значительное произведение в творчества Владимира Орлова о молодости, о первой любви, о надеждах и разочарованиях, которые сплошь и рядом происходят с молодыми людьми. Это первые поиски места человека в сложном и непредсказуемом мире, которые получают своё развитие в таких классических произведениях современной художественной литературы, как «Альтист Данилов», «Аптекарь», «Бубновый валет» или «Происшествие в Никольском». Но уже в «Солёном арбузе» начинает свои фантасмагорические опыты с реальностью, ведь не секрет, что он всегда говорит только правду.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
BIC FA
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74655-2

© T8RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© Текст. В. Орлов, 2020

1

У попа была собака. Поп ее, естественно, любил.

Была она лысая, кривоногая, как венский стул, с откровенной ленью в глазах и терпела обидную кличку Кастрюля. Увидев ее впервые, он, Кешка, понял сразу, что никаких шансов попасть в спутник она не имеет. Тем не менее Поп ее любил.

Еще у Попа был верблюд. Верблюда Поп тоже любил. Даже больше, чем собаку. Еще бы! Собак в Абакане — как белых медведей на Северном полюсе, а верблюд единственный.

И хотя верблюд был пенсионного возраста, и хотя на тощем загривке его торчали бурые и рыжие кустики шерсти, и хотя носил он на мосластых передних ногах лохматые, неприличные подштанники, снижавшие впечатление от его донкихотской фигуры, держался он на редкость гордо и с презрением относился к шестидесятидвухтысячному населению Абакана.

Во рту его все время плавала жевательная резинка, и каждую секунду он мог унизить любого встречного полновесным свинцовым плевком. Он не щадил авторитетов. И даже однажды совершенно спокойно плюнул в лицо уважаемого товарища милиционера Чорчокова, регулировавшего движение на перекрестке улиц Щетинкина и Чертыгашева.

Обвиняли потом его, Кешку, а не верблюда, будто бы верблюд несознательный и не умеет самостоятельно мыслить...

— Ну ладно, — сказал Николай, — надо ехать.

— А потом верблюд... верблюд... — Кешкин рассказ забуксовал, как «ГАЗ-51» на Чертовом болоте.

Кешка обиделся. Каждый раз не дают досказать ему эту историю. А она интересная. Местами про любовь.

Верблюд был его слабостью. Кешка никогда не мог устоять перед соблазном рассказать про верблюда и про его хозяина Попа, своего бывшего друга. («У, гад, обыватель, остался в Абакане вместе с братцем!»)

Конца этой истории никто так и не слышал. Либо Кешку перебивали, либо он сам забывал о верблюде и начинал описывать свои похождения в Абакане и Красноярске. Он уверял, что его родной Абакан веселее Одессы, и рассказывал, как он делал мясо из живого рогатого скота на Абаканском мясокомбинате.

— Помогай грузиться, — сказал Николай.

У Кешки перекосилось лицо.

— Букварь! Ты еще спишь? — закричал Кешка. Потом он сказал Николаю доверительно: — У нас же есть Букварь.

Из общежития, длинного и приземистого, как солдатская столовая, выскочил Букварь и заспешил к машине.

Букварь пыхтел. Из уголка рта его торчал кончик языка, розовый и несолидный.

По спине Букваря нудно и методично стучал вместительный мешок на коротких лямках, набитый гвоздями, шурупами, болтами, костылями, шпингалетами и дверными ручками.

Букварь осторожно и даже торжественно нес сверкающий бачок размером с ведро, взятый два дня назад со склада. В него были втиснуты бачки поменьше и ка-

стрюли. Лежали сверху чистенькие, но тусклые алюминиевые миски, тарелки и чашки.

Чашки подпрыгивали, перевортывались и позвякивали.

Маленький старательный Спиркин с оттопыренными ушами вышагивал за Букварем с мешком картошки на плечах. Выражение лица у него было суровое и монументальное. Видимо, Спиркина высекали резцом из куска мрамора, и пришлось постоять ему в ответственной скульптурной группе. Потом это ему надоело, и он сбежал с постамента, переквалифицировался в плотника, но изменить выражение лица ему так и не удалось.

— Ты чего? — спросил Спиркин.

Он увидел Кешку. Кешка валялся на траве и жевал травинку.

— Ничего, — сказал Кешка. — А ты чего?

Мраморный Спиркин сплонул и зашагал к машине.

Плелся за ним и толстый Бульдозер, а по паспорту Борис Андропов, посвистывал и нес брезгливо в обеих руках авоськи, растянутые, как невод китами, пузатыми пакетами с мукой, крупами, вермишелью, сахаром и прочими непитьевыми продуктами.

Упруго ступали по земле длинные баскетбольные ноги Виталия Леонтьева. Были они обтянуты синими тренировочными брюками и обуты в синие кеды. Как охапку дров, тащил Виталий в левой руке топоры и плотницкие инструменты.

Ольга шла за Виталием Леонтьевым и старательно копировала его упругий шаг. Но ноги у нее были не такие длинные, и упругий шаг получался не так эффектно. Зато изящный наклон головы и философское выражение глаз Виталия она передавала точно.

Николай улыбнулся ей из кузова машины.

Хулиганистый пластмассовый Буратино дергался и пытался вырваться из цепких пальцев Ольги, сжавших его морковный нос. Но у Буратино ничего не выходило, и он продолжал крутиться вокруг оси своего собственного носа, показывая всем желтые пластмассовые ботинки.

— Кажется, все, — сказал Николай.

— Все, — веско подтвердил серьезный Спиркин.

Когда шофер Петухов влез в кабину, Николай сказал ребятам, чтобы они не задерживались и к вечеру были на Канзыбе и что старшим он назначает Спиркина.

— Ясно, — сказал Спиркин и поправил блестящую пряжку отличного командирского ремня.

Конечно, ничего не произошло, но Спиркин все-таки скосил глаза в Кешкину сторону.

Выражение лица у Спиркина было гордое и значительное, словно его фотографировали сейчас у развернутого знамени.

В армии Спиркин был отличником боевой и политической подготовки, своим монументальным лицом неизменно украшал доски почета и дорос до сержанта.

В чемодане Спиркин таскал выгоревшую гимнастерку и галифе. Время от времени он доставал гимнастерку, отглаживал ее, пришивал новый подворотничок и укладывал на старое место. Кешка никогда не упускал случая сосстрить по этому поводу. Сегодня был день его острот.

Машина уже катила между коробок общежитий, а Кешка все валялся на чахоточной траве и кричал:

— Букваря не потеряйте! Букваря!..

Ехали час, а может быть два. Ехали сначала по зигзагам, спиральям и петлям Артемовского тракта, а потом

свернули на дорогу, пробитую тракторами и бульдозерами в тайге. Дорога была похожа на лыжню. Бежали к Канзыбе две жирно-бурые глинистые колеи, выдавленные в пахучей силосной траве сталью и резиной.

На Артемовском тракте было шумно и тесно, как в Москве на улице Горького. Только милиционеры не попадались, и в отличие от улицы Горького Артемовский тракт был царством грузовиков.

Букварь подумал: если бы эти труженики исчезли с тракта, замерла бы в Саянах жизнь. Перестали бы крутиться машины Джебской электростанции. Закрылись бы в Артемовске, в таежных деревнях и поселках магазины. Бульдозеры у Кизира уткнулись бы стальными вогнутыми лбами в желтые и зеленые откосы, а не знающие отдыха экскаваторы стояли бы печальные и сонные, как жирафы в Московском зоопарке.

Но уставшие, пропылившиеся грузовики не исчезали с тракта. Они везли жирный, блестящий уголь, бледно-желтую руду, бочки с бензином и пивом, лоснящиеся на солнце рулоны рубероида, длинные туловища саянских сосен и кедров, аккуратные белые листы жести, ящики, в которых подскакивали бутылки с молоком, подсолнечным маслом и водкой, взрывчатку, утюги и свиную колбасу производства Абаканского мясокомбината.

Они летели по тракту, булыжному и узкому, проскакивали отчаянные его спирали.

Букварю нравилось следить, как приближались к ним встречные машины.

Сначала километрах в двух-трех впереди, где-то на петле, повисшей над хрустальным Кизиром, машина ползла, как божья коровка по коричневому осеннему

листу. Потом она становилась размером с собаку и шла все быстрее. Потом она неслась метрах в ста впереди, гудела угрожающе, и вот уже была совсем рядом, и вот уже с оглушительным ревом, со смазанными скоростью формами проносилась мимо, как ракета, и у Букваря замирало сердце и от этого рева, и от этой скорости, и от этих смазанных, как на фотографии с большой выдержкой, форм.

Артемовский тракт двигался лентой транспортера. Еще недавно эта торопящаяся узкая лента бежала среди неподвижных, застывших деревьев и скал. Только порывистый, шумный Кизир пытался соперничать с лентой бульжного транспортера.

Теперь движение переместилось в тайгу и горы.

По обе стороны дороги суетились экскаваторы, бульдозеры, тракторы, самосвалы, шумели бетономешалки и компрессорные установки, захлебывающимися пулеметными очередями вгрызались в камни отбойные молотки. В скалах над Кизиром, на катышах и уступах, где торчали из камня березы, кривые и причудливые, висели на веревках взрывники с перфораторами в руках, висели на стометровой высоте над летящим серым потоком. Из насыпей, выемок и тоннелей люди и машины готовили ленту полотна для новой дороги, стальные рельсы которой должны были принести в Саяны новые стремительные скорости.

Таежное солнце, как и Кизир, старалось не отстать от этих скоростей. Оно гналось за машиной шофера Петухова и заставляло Букваря одну за другой расстегивать пуговицы ватника. Раскосая девчонка со встречной машины бросила в Букваря венок из жарков.